Скворечник / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Скворечник / рассказ СКВОРЕЧНИК

Весна припозднилась; снежная, бессолнечная, лежала на деревьях тревожным сном. Мятое небо изрезали серые ветки, стволы впивались в нетронутый снег. Колючий воздух ничем не пах, только неприятно пощипывал нос и мешал дышать.
Больше вокруг не было ничего. Дом окружала литая тишина; в ней, гулко отражаясь от пластмассовых стен, стучал молоток.
— Пап, — мальчик протягивал в ладони несколько гвоздей, — а когда скворцы прилетают?
Отец перестал стучать и прислушался к чему-то. Что-то ему не ответило.
— Скоро. До середины апреля точно прилетят.
Он взял один гвоздь и приколотил угол крыши к основе скворечника.
Мальчик переминался с ноги на ногу; ему казалось, он ничего не делает, хотя это ему задали в школе сделать кормушку для птиц. Все было для него как-то нечестно. Слишком красиво; видно, что ребенок так не сможет. Его сразу раскусят.
Он наблюдал, как на красных от холода пальцах, сжимающих гвоздь, белеют ногти; как скользит между подушечками острие, впиваясь в дерево. Выглядело опасно, но нетрудно.
— Давай сам, — наконец предложил отец.
Мальчик неловко взял гвоздь, три раза примерился и несмело ударил. Раз, два — эхо отлетело от окон и унеслось в лес.
— Леш, вы идете обедать?
Отец щелкнул зажигалкой.
— Крышу приколотим и идем. Давай, Егор.
— Не кури при ребенке.
Входная дверь хлопнула, и хозяйка ушла в дом. Звонил телефон.
— Але? Привет, Ксюш. Когда? Хорошо. Оденься тепло. Нет, он уезжает в ночную смену завтра. Ага, давай. Напиши, как выезжать будешь.

2.

На выходные домой должна была приехать дочь.
Лена собирала мужу еду в контейнеры. Бутерброды, мясо, картошку, термос с супом и термос с чаем, печенье и конфеты — на двое суток. Механически приговаривала «Шшш» младшему сыну, который смотрел со старшим мультики и щипал его за руку.
— Егор, перестань. Не трогай его.
— Он щиплется!
— Егор!
Лена обернулась, сдвинула брови. Егор ничего не ответил и отсел в другой угол стола.
— Ну и пожалуйста.
Витя хлопал в ладоши и вскрикивал.
— Ты доел?
— Я не хочу.
— Доедай.
— Мам…
— Доедай!
Егор придвинул тарелку с кашей и ковырнул ее ложкой.
— Я уже съел бутерброды.
Вите некого было теперь щипать; он взвыл и раскраснелся. Лена схватила его на руки и унесла с кухни.
— Собирайся, — крикнула вслед.
Егор выключил телевизор. В дальней комнате плакал брат и успокоительно шипела мама. Он подумал, что она делает это слишком уж часто. Даже когда тихо. Даже, наверное, когда спит.
— Я убрал твой скворечник в багажник.
Папа щелкнул выключателем и коротко подмигнул, взяв со стола приготовленный пакет. На улице уже рассвело — непривычно рано.
— Ты меня отвезешь?
— Да. быстрее давай. Мне еще в магазин надо.
Егор смыл остатки каши, взял рюкзак, оделся и вышел.
Валил снег. От ворот почти не было видно дорогу. Егор, щурясь, с ходу запрыгнул в машину.
— Поздно твои скворцы прилетят, — сказал папа, заглядывая в салон через переднюю дверь и выпуская дым. Егор поморщился от

горького запаха. Из-за двери окликнула Лена.
— Леш, отвезешь его? Ага.
Она подошла, захлопнула дверь машины и укоризненно посмотрела на мужа.
— Холодно на улице. Простудишь.
Алексей затянулся и подмигнул.
— Куришь опять. Я просила…
— Лен, успокойся.
Сигарета улетела в снег. Лена сдвинула брови.
— Все давай. Не смотри так. Набери, как Ксюха приедет.
Он поцеловал ее и сел в машину. Лена пошла открывать ворота.

3.

Электричка плавно затормозила, выпуская на станции Клин горстку заранее вставших в проходе людей. Покачиваясь маятником, они толкали друг друга локтями, а потом рассеивались по платформе.
Здесь люди менялись. Они уезжали городскими и выходили уставшими, старыми, местными. Ксюша всегда замечала эту перемену и не могла уловить, когда она происходит. И происходит ли она в ней самой.
Девушка подняла глаза от пола. Снег слепил; сумка, как всегда, перевешивала, хотя в ней ничего не было. Ксюша, перегибаясь вбок, медленно пошла к лестнице.
Наверное, дело было в том, что она здесь не выросла. Здесь она созрела. Ей было двенадцать лет, когда они переехали, а в двенадцать лет тебе уже есть, что терять. Наряду с внутренней переменой пришла внешняя. И Ксюша не знала, на чем сосредоточиться.
Она спустилась со станции, вышла на стоянку к торговому центру и написала маме, что скоро будет. К ней подъехала машина.
— Привет, — она села на переднее сиденье, поставила в ноги сумку и улыбнулась одними губами, — Кость, извини. Я, может, завтра не смогу заехать.
Ей не хотелось говорить сразу, но очень давило изнутри.
Он шумно выдохнул и отпустил руль.

— Почему?
…Очень давило и не давало придумать заранее почему.
— Ну… Папа уехал на ночь на дежурство. Хочу завтра с ним увидеться.
Костя ничего не сказал. Они выехали с парковки; накрапывал мелкий дождь. Расплывалась грязь, едко и сухо пахло городской оттепелью.
— С утра еще снегопад был и минус.
Ксюша кивнула.
— Приезжай завтра. Пожалуйста.
Она смотрела вперед, на светофор.
— Я за тобой заеду. Хочу тебе показать кое-что.
Он многозначительно взглянул на нее, но она отвернулась к боковому окну, глядя на людей, идущих вдоль дороги.
— Да, — вдруг сказала она. — Заезжай.
Город сменился редкими домиками, затем — лесом. Остро топорщились ветки, сминаясь в плавную линию на периферии зрения. Ближе к деревне, над полем, пролетали черные птицы.
Ксюша приоткрыла окно. Снаружи донеслось карканье.
— Уже оттаивает. Вон там. — Костя кивнул на запятнанное землей поле.
Повернули налево, на отшиб с несколькими домами, отколотыми от деревни. В конце дороги за зеленым забором стоял дом с розовой крышей.
— Чай попьем? — предложила Ксюша, зная, что он не согласится.
— Мне на работу.
Машина остановилась. За воротами слышался лай. Ксюша позвонила маме и попросила открыть.
— Спасибо. — Ксюша повеселела и опустила голову Косте на плечо. — Я люблю тебя.
— И я тебя.
Костя поцеловал ее. Открылась калитка; Ксюша поцеловала его еще раз и вышла.
— Здравствуйте! Как поживаете?
— Ничего. — Лена поежилась, вглядываясь в открытое окно машины. — Зайдешь?
— Нет, не сегодня. Работа. Я завтра заеду.

— Давай. Хорошо. Ну, пока.
— Всего доброго!
Лена отвернулась и хмыкнула про себя.
Машина выехала задним ходом. Ксюша задвинула засов на калитке.
— Хорошо, что ты так рано. Я на работу схожу, посидишь с Витей?
— Посижу. Как дела?
— Как обычно. Хотела подмести, а все растаяло. Одна грязь теперь.
— Ясно.
Дом не менялся. Ксюша ждала, но за неделю ничего не могло произойти и не происходило. Она проходила по шуршащей дорожке (либо хрустящей снегом), часто слышала плач сквозь окна, перебиваемый лаем, ветер, прокатывающийся по листве (либо снующий в пробелах голого леса) и шорох отдаляющейся машины. В доме плач завывал сильнее, лай сминался вдали, а ветер уносился совсем.
Всегда пахло едой; чаще — выпечкой. Ксюша не ела выпечку, но запах ей нравился. Подменял чувство привычности чувством близости и родства с этим местом. Хорошо, что мама не обращала внимания, что Ксюша не ест пирожки и не переставала их готовить.
Витя сидел на детском стульчике. Он смотрел на сестру широко распахнутыми глазами. Щеки еще были красные, но он уже успокоился.
Ксюша прошла мимо, к плите; подняла крышку кастрюли с супом и сразу налила себе половник.
— Ты скоро придешь?
— Часа через два. Они мне надбавку даже за мытье посуды стали платить. Пятьсот рублей. — Лена хмыкнула. — А вчера кто-то приезжал как раз, должно было что-то остаться.
Лена постояла в проходе, но Ксюша ничего не ответила.
— Ладно. Звони, если что.
Лена вышла; Витя забарабанил по пластиковому столику с наклеенными носорогами.
— Не бубни.
Витя уставился на сестру.

— Бесишь меня.
Ксюша обожгла язык; бульон на плите еще не был выключен. Она откинулась на спинку стула и смотрела в окно, на мигавший со вчерашнего вечера фонарь.

4.

Лене платили за работу по дому. Летом — еще и за сад: прополку, полив, удобрение.
Но сейчас делать было почти нечего. Она приходила два раза в неделю и занималась всем тем же, чем и дома. Только здесь не было детей — своих.
Чужие не волновали; они играли с ней в прятки. Выглядывали из-за углов и отказывались здороваться. Хозяйка поступала почти так же, только иногда задавала одинаковые вопросы.
— А сколько лет дочери?
— Двадцать два.
— Уммм… Большая. Жених там как?
— Просто мальчик… Иногда приезжает.
По правде — Ксюша чаще бывала у «мальчика», чем дома. Лена не останавливала. Приглашала иногда их двоих домой, кормила и уходила заниматься делами. Знала о нем, что работает, но давно забыла где. А спустя два года знакомства переспрашивать было неудобно.
— Значит, замуж не зовет?
Лена пожала плечами и отвернулась к мойке. Хозяйка за обеденным столом лениво облокотилась на спинку диванчика. Она, казалось, тут же забыла свой вопрос и уставилась перед собой, одергивая рукой халат.
— Мне предложили работу, — сказала Ксюша.
Лена считала вслух; она вязала Егору носки, хотя сезон был уже на исходе. Она подняла глаза на «семь» и вопросительно вздернула брови.
— Я тебе рассказывала. — Ксюша не отрывалась от телевизора. — Меня взяли.
— Ну и… ты пойдешь?
— Да… пойду.

Лена нахмурилась; то ли оттого, что сбилась, то ли от неуверенного Ксюшиного тона.
— Иди. Обязательно иди, что ты так… странно говоришь… как будто не хочешь уже.
Ксюша положила в рот кусочек сахара и не ответила.
— Потом будешь снимать комнату, как закончишь… Ничего, так все делают!
Ксюша цокнула и съела еще кусочек.
— Я буду здесь жить с Костей.
Лена снова взяла вязание.
— Раз, два, три, — пробормотала она на вдохе и снова опустила спицы. — Зачем так далеко ездить отсюда на работу? Ты вообще так сможешь?
Хлопнула дверь, по коридору протопали ноги. На кухню вбежал Егор в расстегнутой куртке.
— Мам, мне поставили пять! Ну, всем поставили, но они банки какие-то принесли, пакеты от молока, а мы с папой самый крутой сделали!.. Не кормушку, а целый скворечник!.. Дарья Петровна даже сфотографировала меня отдельно ото всех с ним…
— Я тебе говорила не перебивать, когда кто-то разговаривает?
Егор перестал расстегивать пуговицы и замолчал.
— Господи. — Ксюша закатила глаза и встала из-за стола. — Мам, ты как бабушка теперь замечания делаешь? Мне она постоянно рот затыкала.
Лена фыркнула и продолжила вязать.
— Молодец, — бросила она, когда Егор выходил. — Молодец.
Егор ушел в комнату и сел на кровать. Из окна задувал холодный воздух; мальчик сжался, но не вставал. Руки, сложенные на коленях, были в пятнах красной краски.
— Забей, — Ксюша стояла на пороге, скрестив руки на груди. — Она… постарела.
Егор не понял:
— Она всегда была такой.
Ксюша прошла вперед и села на кровать рядом.
— Ей просто неинтересно, что ты можешь сказать. Ты же замечаешь это? Каждый раз… Так что… Смирись, что ли.
— Да мне все равно.

Сестра посмотрела на него; она редко смотрела на него так близко. Маленький мальчик. Он не менялся внешне. Но сейчас, — она слышала, — щелкнуло. Что-то, что давно было в ней, отметилось и в нем тоже.
Она приобняла его за плечо, хотя это было не принято, странно. Он не двигался, сжался сильнее и глухо спросил:
— Закроешь окно?
День прошел молча, как часто бывало. Егор про себя называл такие дни «передай соль». В кино часто говорили эту фразу во время неловкого молчания.
Он вышел на улицу. Закончился дождь, ветер поутих, начали оттаивать запахи.
В сарае пахло краской. Вчера, поздно вечером, когда Егор докрашивал скворечник, он не стал ничего убирать. Только неплотно закрыл крышки на банках и опустил кисти в растворитель. Он открыл окна, сдвинул в угол рабочий стол, убрал банки на пыльные необструганные полки и нашел тряпку, чтобы вытереть руки от засохшей краски.
Папа приедет — и он расскажет ему, как сильно его хвалили. Он тоже скажет «молодец», но по-настоящему, не как мама. Они же все делали вместе. Он точно порадуется.
А если вдруг нет — все равно.
— Давай помогу?
— Не надо.
Лена чистила картошку на ужин и поглядывала в телевизор.
— Ну и что ты решила?
— На тему?
— Насчет работы.
Ксюша вздохнула и опустила голову на руки, лежащие на столе.
— Я уже сказала, что пойду, — пропыхтела она в стол.
— Будешь снимать квартиру, — утвердительно сказала Лена.
По доске застучал нож.
— Мам, я буду жить с Костей, я тебе уже сказала.
— Ты в Англию собиралась поехать. Пойдешь еще на курсы… опять. Только на месте не сиди. И перестань с этим… со своими глупостями.
— С какими глупостями?

Лена не ответила.
Запахло подгоревшим луком.
— Фу!.. — Лена замахала над плитой прихваткой. — Черт. Дура.
С последним словом Лена обернулась к дочери и негромко добавила:
— Вот и сиди тут до конца жизни.
Голос звучал надрывно. Ксюша тихо привстала и медленно вышла из-за стола.
— Мам, я пойду, — проговорила она.
— Куда?
Ксюша неопределенно пожала плечами и отвернулась. Через минуту, когда она только обулась и уже вышла во двор, издалека отчетливо донеслось:
— Дура!!!

5.

Костя приехал через полчаса после звонка. Все это время Ксюша шла по дороге ему навстречу. От шапки чесался лоб, ноги замерзли. На въезде в лес она остановилась на автобусной остановке и села на лавку.
На плите осталась стоять сковородка с почерневшими щепками лука. На доске темнела порезанная картофелина. В телевизоре пели, а Лена всхлипывала.
— Уйди.
Егор смотрел на нее почти минуту, молча; а она не двигалась, только пальцы прижатых к лицу рук впивались время от времени в лоб.
Он ушел.
— Ты чего такая?
Ксюша села в машину и неопределенно покачала головой.
— Что-то случилось?
— Очень замерзла просто. Давай… Ты хотел показать что-то.
— Сейчас?
Он растерялся; снял шапку и бросил ее назад. Посмотрел куда-то в сторону, потом опять обернулся и неуверенно согласился.
— Только заеду домой. И позвоню на работу. Скажу, что не

приеду сегодня.
Лена позвонила Ксюше три раза, пока та ждала Костю в машине. Лена не знала, что хочет сказать, но ей казалось, все получится само собой. Не может быть так, чтобы не получилось. Особенно тогда, когда это действительно важно. Когда вынужденный материнский инстинкт стал настоящим.
Но спустя двадцать два года было уже поздно чему-то учить дочь, которая росла без матери.
Ксюша прошла в пустоте по скользкому полу — три шага. Костя сказал:
— Смотри, — и развязал ей глаза.
Пустая прихожая, коридор. Очень светло и чисто. Ногам холодно от плитки.
— Это что?
Ксюша не пошла дальше сама, и Костя потащил ее за собой.
— Это кухня. Это ванная. Это гостиная. Пойдем наверх… Тут еще ванная. И три комнаты. Вот наша.
Ксюша ничего не говорила. Она смотрела больше не на комнаты, а на Костю. Крутилось «Что, сегодня?»
Она знала — они будут жить вместе. Она так давно это представляла, что для нее это давно уже произошло, переигралось по одному сценарию в голове много раз.
И вот — дом.
— Ты что это… ты это все сам сделал?..
Костя рассмеялся:
— Нет, конечно нет. Это рабочие. Ну как? Нравится?
Ксюша оглядела пустую комнату с белым полом и голубыми стенами. Она ставила все на места: кровать, шкаф, комод; развешивала картины и смотрелась в зеркало, которого здесь еще нет.
— Да. Очень… Это… Откуда у тебя столько денег?
— Просто обычно не прогуливаю работу. — Костя обнял ее. — Папа помог, на самом деле. Это же бабушкин дом был. Мы тут все переделывали, вообще все… Ксюш?
— Что?
— Мы поженимся?
— Наверное… эм. Да. Думаю, да. Если хочешь. — Ксюша лукаво

улыбнулась, и они рассмеялись.
— Ладно, я идиот. Я не купил кольцо и все такое. Ну, я же романтик. Так что мог бы сделать его из пластикового колечка с бутылки. Но ты же и так согласишься?
— Да, ты идиот, — только сказала Ксюша.

6.

Когда Ксюша вернулась домой, все уже спали. Мама больше не звонила; и она решила просто забрать вещи и тихо уйти.
Теперь можно это сделать. И ничего не будет. Она теперь сама по себе. И не будет странных вспышек, не будет никаких наставлений по поводу того, что ей нельзя здесь жить, — непонятно почему.
Она зажгла настольную лампу и забросила в сумку несколько вещей, которые успела вынуть по приезду — все остальное было еще не разобрано.
Уже в коридоре ее догнало сонное «эй».
— Иди спать, — сказала она Егору. — Меня не видел, если что.
— Куда ты?
— Завтра в общагу…
— А сейчас?
Ксюша не отвечала и быстро оделась; накинула куртку на плечи не отстающему Егору и вышла с ним на улицу.
— Слушай. Извини, но я убегаю. Мама немножко странно себя ведет. Пусть отдохнет.
— Она плакала.
В темноте Егор не увидел, как отреагировала сестра.
— Хм… Я пойду к Косте. Ты же уже сам догадался, правда? Куда я еще могу уйти… Ты, главное, не говори, что меня видел. Хорошо?
— Да.
— Все. Давай.
И она убежала, как будто боясь, что мама может выйти и догнать ее. Егор остался на улице, пока не пошел дождь.
За завтраком только передавали соль.
Лена почти весь день провела с Витей; сюсюкала и рассказывала какие-то истории, а Егор сидел у себя и делал задание по

математике, которое не мог решить. Он не любил математику, но сейчас почему-то казалось, что сделать упражнение очень важно.
Витя весь день был спокойным. Смеялся и внимательно слушал, что говорит мама; иногда просился на руки или просто бегал кругами по комнате, а Лена держала его за капюшон.
Она слышала вчера, как Ксюша говорила в коридоре с Егором. Витя не спал, и она пыталась укачать его. И не вышла. Сказать было нечего.
После суток Алексей сразу отправился спать.
Лена легла рядом и обняла его сзади.
— Леш?
— Уу?
— Давай уедем?
— Мм?
— Обратно в Москву.
Он повернулся и мутно взглянул на нее.
— Ты о чем вообще?
— Ну… Что мы тут сидим? У нас… Дети подрастают. Им отсюда выбираться надо, а мы увезли их в глушь какую-то…
— Лен. Давай… Без вот этого.
Он сразу уснул, а когда проснулся, не помнил этого разговора.

7.

Лена смотрела исподлобья.
— Мам?
Ксюша сидела рядом с ней на качелях. Солнце уже припекало, снег сошел, кругом была грязь и мокрые прошлогодние листья.
— Ну и что ты решила?
Ксюша не отвечала.
— Мое мнение ты знаешь. Посмотри на меня и реши, надо оно тебе или нет.
Сейчас Ксюша уже точно знала — мама ее не хотела. «Так получилось». И зачем она сперва рассказала все ей — не знала.
— Хорошо.
Лена посмотрела ей в глаза и негромко добавила:
— Косте не говори. Он станет отговаривать.

Ксюша долго смотрела на нее, чтобы удостовериться, что правильно все поняла. Мама считала, что все уже решено.

***

Когда снег только начал сходить, четвертый класс вышел на школьный двор вешать кормушки для птиц. Егор гордо нес свой скворечник, молоток и гвоздь. Пока остальные вешали домики на дерево за веревочки, он, тщательно примеряясь, но смелее, чем раньше, прибивал к дереву жердочку, на которой держался скворечник. Учитель труда помогал ему и деланно восторгался:
— Какой разноцветный… Точно все птицы сразу сюда слетятся!..
Но прошел месяц. Потеплело. Ребята подсыпали в кормушки еду, и Егор ходил с ними. Он ни разу не видел у своего скворечника птиц.
Каждый день он проходил мимо — и там никого не было.
— Наверное, просто не замечаешь. Это же птицы. Они быстрые, и… улетают постоянно. Не переживай, — успокаивал папа.
Еще через неделю объявили штормовое предупреждение. Когда все улеглось, дети вышли подбирать разбросанные, размякшие пакеты из-под молока. Почти все выбросили свои кормушки.
Но скворечник остался висеть.
А птиц так и не было.
И Егор попросил учителя снять его. Тот не понял зачем, но пошел с ним.
— А можете снять крышу?
— Можно… А что такое?
— Просто не могу разглядеть, что там внутри.
— Ладно. Как хочешь.
Минут через десять, хоть и ободрав краску, крышу снять получилось. Они заглянули внутрь. Егор отпрянул.
— Егор… Ты… Ну как же ты так делал?.. Смотри… Вот здесь нужно делать специальные насечки. Они просто не смогли выбраться, чтобы научиться летать. Егор?..
И учитель вытряхнул на землю три черных тельца — маленьких скворчат.

Об авторе: АЛИНА ЕГОРКИНА

Родилась в Москве, училась в Литературном Институте им. А.М.Горького на семинаре прозы С.Н.Есина. Публиковалась в альманахе «Тверской бульвар, 25». Hekaýalar